

и настроений, которые бродили в умах и сердцах языческого общества, пережившего свое язычество»³⁸. Справедливо отметив, что христианство родилось и развилось в недрах античного мира, К. Н. Успенский в своем анализе происхождения христианства не доходит, однако, до понимания социальных причин, породивших христианскую религию, умозрительно отрывает его от той социальной среды, которая его родила и вскормила. В этом отношении он делает шаг назад даже по сравнению с некоторыми представителями русской буржуазной медиевистики конца XIX в., например П. Г. Виноградовым, который признавал, что христианство было порождено общественными условиями разлагавшейся Римской империи, было своего рода идеологическим выходом для античного мира, запутавшегося в противоречиях³⁹. В отличие от того же П. Г. Виноградова, признававшего народные массы вплоть до III в. главными носителями христианства⁴⁰, К. Н. Успенский всячески стремится «аристократизировать» христианскую религию, боясь отдать христианство «черни», «простонародью». По его утверждению, уже во II в. «христианство перестало быть постоянным исключительно простонародья», а привлекло к себе интеллигенцию и знать⁴¹. Проследившая образование и эволюцию христианской церкви, К. Н. Успенский всячески затемняет ее социальные функции по отношению к народным массам, рассматривает этот вопрос лишь в плане взаимоотношений церкви и государства. По его мнению, «грандиозная уния церкви и государства» имела отрицательные последствия для христианской церкви, приведя к ее подчинению государственной власти, обмирщению, превращению в одну из «служебных сил земного мира»; однако этот компромисс, приведший по существу к «профанации религии», был подготовлен (как и само зарождение христианства) предшествующим развитием, эволюцией епископата, понижением его нравственного уровня, появлением ересей⁴².

Вместе с тем «великий союз государства и церкви» и «грандиознейшая реформа Константина», превратившая христианство в государственную религию, «не дала и самой империи (разрядка автора. — З. У.) того спасительного обновления, от которого она заиграла бы живыми творческими силами»⁴³. Процесс политического раздробления, поворота экономической жизни к упрощенным формам не был приостановлен примирением государства и церкви.

В чем же состояли причины упадка империи? Был ли этот упадок столь глубоким и всеобъемлющим, как его рисуют многие историки?

Поставив первый вопрос, К. Н. Успенский, придерживаясь философской системы махизма, снова декларирует отказ от попытки объяснить причины упадка Римской империи. Обрушиваясь на тех ученых, которые, подобно Э. Мейеру и М. Веберу, выводят упадок империи из целого комплекса причин, К. Н. Успенский объявляет их теории «голою и пустой схемой». Не поиски причин, а изучение фактов — вот ключ к пониманию того, как Римская империя превратилась в Византийскую⁴⁴.

³⁸ Там же.

³⁹ П. Г. Виноградов. История Римской империи. Курс лекций (Высшие женские курсы). М., 1884—1885, стр. 249.

⁴⁰ Там же, стр. 218.

⁴¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 50.

⁴² Там же, стр. 59.

⁴³ Там же, стр. 61.

⁴⁴ Там же, стр. 67. Развивая эту мысль, автор утверждает, что фактическое исчезновение в империи единой императорской власти — результат фактического варварского завоевания; отнюдь не надо искать причин варварских вторжений, а следует лишь изучать фактические взаимоотношения Рима и варваров (там же, стр. 67—77).